

УДК 10.02.01

*ЗАДУМИНА Полина Николаевна, аспирант
кафедры русского языка, журналистики и теории
коммуникации Вологодского государственного уни-
верситета. Автор 11 научных публикаций*

НАИМЕНОВАНИЯ СЕНОКОСНЫХ УГОДИЙ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ¹

Статья посвящена анализу диалектных названий сенокосных угодий, пригодных и непригодных для сенокосения. В исследовании представлено описание лексической семантики и структурной организации диалектных слов, обозначающих сенокосные угодья, встречающиеся на территории Вологодской области. Анализ материала показывает, что диалектоноситель четко разделяет пригодные и непригодные для сенокосения угодья; это отношение крестьянина к качеству мест для сенокосения, в свою очередь, приобретает различные средства и формы вербализации. Работа выполнена в русле когнитивного подхода, ориентированного на изучение восприятия носителями говоров различных явлений действительности, а также изучение различных видов оценок диалектоносителем этих явлений. Для исследования привлекаются научные работы по проблемам аксиологии и когнитивной диалектологии. Материалами для наблюдений служат лексика опубликованных выпусков «Словаря вологодских говоров», а также фрагменты диалектной речи, отраженные в картотеке словаря. Анализ материала позволяет сделать вывод об особенностях оценки диалектоносителем сенокосных угодий. Севернорусский крестьянин преимущественно оценивает места произрастания трав с точки зрения способов их культивации, а также с точки зрения увлажненности почв. Эти оценки отражаются в диалектных названиях угодий и обусловлены климатическими особенностями региона. В заключение рассматриваются особенности диалектной языковой картины мира севернорусского крестьянина и выделяются ее основные черты, такие как прагматизм, приоритетность проблем биологического выживания человека, традиционность и экспрессивность. Оценка, как показывает исследование, преимущественно репрезентируется в лексической семантике, а также в словообразовательной структуре исследуемых слов.

Ключевые слова: русская диалектология, вологодские говоры, языковая картина мира, севернорусский крестьянин, сенокос, крестьянское хозяйство, полевые работы, сенокосные угодья.

Сенокос относится к числу наиболее значимых в крестьянском хозяйстве сезонных полевых работ, поэтому связанные с ним предметы

и явления находятся в зоне пристального внимания диалектоносителя, приобретают в языковой картине мира сельских жителей различные

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (конкурс поддержки молодых ученых 2014 года, проект № 14-34-01263 «Мультимедийный корпус вологодских текстов “Жизненный круг”»).

© Задумина П.Н., 2015

средства и формы вербализации. В частности, это касается различных сенокосных угодий, пригодных или, наоборот, непригодных (неудобных) для сенокосения. Цель нашей работы – исследовать семантику и структурную организацию слов данной группы и по результатам этого анализа сделать вывод о специфике языковой картины мира севернорусского крестьянина – жителя Вологодской области.

Европейский Север, по мнению исследователей природного и историко-культурного ландшафта России [1], представляет собой территорию, обладающую специфическими геоклиматическими признаками и, соответственно, традициями осуществления сельскохозяйственных работ. Вологодская область в основном находится в пределах низменной равнины, при этом на территории региона расположены многочисленные реки, озера, болота, что позволяет сделать вывод о повышенной увлажненности почв. Климат на территории Вологодской области умеренно-континентальный, лето теплое, но короткое, поэтому трава скашивается один раз за сезон. Такие климатические особенности региона отразились в диалектных названиях сенокосных угодий. Различают заливные луга, дающие наилучший урожай кормов, незаливные (*сухомённые*), а также луга, расположенные в низине (так называемая *листвуга*).

Для общей номинации качественных сенокосных угодий в вологодских говорах используются лексемы *да́ча* [2, вып. 2, с. 8], *колы́нка* [2, вып. 3, с. 92], *косты́рь* [2, вып. 3, с. 112], *лугови́на* [2, вып. 4, с. 52], *ля́д* [2, вып. 4, с. 62], *обре́зок* [2, вып. 6, с. 5], *ово́да* [2, вып. 6, с. 17], *по́женка* [2, вып. 7, с. 121], *по́жня* [2, вып. 7, с. 122], *поля́нка* [2, вып. 7, с. 149], *почи́нок* [2, вып. 8, с. 26], *почи́стка* [2, вып. 8, с. 27], *проло́в* [2, вып. 8, с. 85], *сви́ще* [2, вып. 9, с. 106], *сти́нье* [2, вып. 10, с. 128], *уко́с* [2, вып. 11, с. 117]. Большинство из этих слов составляют производные слова, мотивированные глаголами (*да́ча* ← *дать*, *обре́зок* ← *обрезать*, *ово́да* ← *оводить*, *почи́нок* ← *починать*, *почи́стка* ← *почистить*, *уко́с* ← *укосить* и др.), существи-

тельными (*по́женка* ← *по́жня*, *поля́нка* ← *поля́на*), прилагательными (*лугови́на* ← *луговой*).

Лексема *по́жня* в значении «покос, луг», по данным Словаря русских народных говоров [3, вып. 28, с. 299], является одной из самых распространенных на территории России. В вологодских говорах она встречается практически во всех районах [2, вып. 7, с. 122]. Бытование данной лексемы и частотность ее употребления подтверждают также экспедиционные материалы. Лексема *по́жня* является архаичной [4, т. 3, с. 302], она фиксируется в других славянских языках как производное, относящееся к историческому словообразовательному гнезду с вершиной *жать/жну/жнёшь* (**жати*) [4, т. 2, с. 60]. Сохранению у слова *по́жня* архаического значения «покос, луг», на наш взгляд, способствовало использование в крестьянском хозяйстве архаических орудий сенокосения, действие которых напоминало действие серпа (*горб́уша* «коса с изогнутым лезвием на короткой рукоятке» [2, вып. 1, с. 122]). Более поздняя лексическая единица *по́женка* образована с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*: возможно, это говорит о небольшом размере участка для сенокосения, возможно, отражает индивидуальный стиль речи информанта.

Лексемы *лугови́на* в значении «участок, покрытый травянистой растительностью» [2, вып. 4, с. 52] и *поля́нка* в значении «участок земли, отведенный кому-либо под сенокос» [2, вып. 7, с. 149] обозначают непосредственно открытое место, где растет трава, пригодная для заготовки кормов. На это указывает их внутренняя форма, сохраняющая взаимосвязь с общеславянскими *луг* [4, т. 2, с. 527] и *поле* (от **поль* «открытый, свободный, полый» [4, т. 3, с. 307]).

Лексема *ля́д* в значении «сенокосное угодье» [2, вып. 4, с. 62] распространена не повсеместно. Возможно, в данном случае произошло расширение значения слова и *ля́дом* в некоторых районах стали называть любой луг, предназначенный для сенокоса [2, вып. 4, с. 62]. Этимологически это слово может быть родственно общеславянскому *ляда́* «поле, поросшее молодым

лесом, новь» [4, т. 2, с. 549], а также может быть вместе с многочисленными образованиями типа *ляд*, *ляда`*, *ляди`на* «лужа», *лядова`тый* «низменный, сырой, влажный» [2, вып. 4, с. 62] соотнесено с *ляд* в значении «нечистый» [4, т. 2, с. 549].

Мысль о том, что сено косили на специально расчищенных от деревьев и кустов участках, сохраняет внутренняя форма многочисленных названий сенокосных угодий с корнями *-дер-//дор-//др-*: *де`рба`* [2, вып. 2, с. 20], *дерёб-ка* [2, вып. 2, с. 20], *дерю`га* [2, вып. 2, с. 23], *дерю`жка* [2, вып. 23, с. 24], *дор* [2, вып. 2, с. 46], *дра`ка* [2, вып. 2, с. 54], *дра`чка* [2, вып. 2, с. 55] и др. (к **-der-* «драть» [4, т. 1, с. 499–500]) и *-чес-//чист-//чищ-*: *зачёс* [2, вып. 2, с. 161], *за`чисть* [2, вып. 2, с. 162], *почи`стка* [2, вып. 8, с. 27], *чи`стка* [2, вып. 12, с. 47], *чисто`тка* [2, вып. 12, с. 47], *чистови`на* [2, вып. 12, с. 47], *чисть* [2, вып. 12, с. 48], *чи`ща* [2, вып. 12, с. 50], *чищеви`к* [2, вып. 12, с. 50], *чищении`на* [2, вып. 12, с. 50], *чи`щенка* [2, вып. 12, с. 50], *чищени`к* [2, вып. 12, с. 50], *чище`нье* [2, вып. 12, с. 50] и др. (к **čistь* «чистый» [4, т. 4, с. 366]).

Часто крестьяне вынуждены были заготавливать корм для личного скота не на лугах, а на лесных полянах, на болотах, на склонах оврагов, на приусадебных участках, на лесных вырубках. Трава на таких участках плохо косилась, а сено из такой травы получалось, как правило, плохого качества. Внутренняя форма многих названий сенокосных угодий сохраняет связь с наименованиями воды и водных объектов. Это различные наименования заливных лугов: *водопо`лье* [2, вып. 1, с. 76], *лы`ва*, *лы`вина* [2, вып. 4, с. 57] (ср.: *л`ыва* «лужа; выбоина на дороге, заполненная водой; низкое сырое место; др.» [2, вып. 4, с. 57]), *о`зеро* [2, вып. 6, с. 39], *ручевина* и *ручей`на* «сырое, поросшее травой

место вблизи протекающего ручья» [2, вып. 9, с. 73] и др. Это также наименования заболоченных участков суши, траву с которых использовали на корм скоту: *вы`мочка* [2, вып. 1, с. 86], *мокру`ша*, *мо`крядь* [2, вып. 4, с. 88] (ср.: *мокну`ть*, *мокры`й*), *калу`жина* [2, вып. 3, с. 34] – ср.: *кальга`* «рытвина, выбоина на дороге, заполненная водой» [2, вып. 3, с. 35], *ля`жа*, *ляжби`на*, *ля`жина* [2, вып. 4, с. 62] – ср.: *ля`жа* «лужа; болотистое место на лугу или в лесу» [2, вып. 4, с. 62] и др. В вологодских говорах встречаются субстратные названия низинных сенокосных угодий: *ри`га* «покос, заливаемый водой» [2, вып. 9, с. 56] – ср.: карел. *riihi* «гумно, овин» [4, т. 3, с. 487], *лы`ва*, *лы`вина*, *лы`во* «низкое, сырое место» [2, вып. 4, с. 57] – ср.: фин., карел. *liiva* «ил, тина» [4, т. 2, с. 539] и др.

Таким образом, анализируя лексику, называющую в вологодских говорах сенокосные угодья, можно сделать вывод о том, что основной корпус оценок, репрезентируемых внутренней формой слова, составляют когнитивные оценки номинируемых объектов [5, с. 75–76]. Место произрастания сенокосных трав оценивается с точки зрения способа его культивации (*дор*, *дерю`га*, *чисть*, *чи`щенье* и др.) и характера увлажненности (*водопо`лье*, *ручевина`на*, *ляжби`на* и др.). Вероятно, важность последнего признака определяется спецификой климата Вологодской области, в частности повышенной увлажненностью почв при относительно низких среднегодовых температурах.

На основании проанализированных материалов можно выделить такие отличительные особенности картины мира севернорусского крестьянина, как прагматизм, приоритетность проблем биологического выживания человека в определенных условиях проживания, традиционность и экспрессивность [6].

Список литературы

1. Соколова А.А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007. 392 с.
2. Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2006. Вып. 1–12.
3. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. СПб., 1965–2010. Вып. 1–43.

4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 341 с.
6. Ильина Е.Н., Судаков Г.В. Словесность Русского Севера как основа изучения национальной ментальности и культурного пространства региона: некоторые итоги работы Центра филологических исследований ВГПУ // Вестн. Волог. гос. пед. ун-та. 2013. № 5. С. 141–142.

References

1. Sokolova A.A. *Landshaft v sisteme traditsionnykh prostranstvennykh predstavleniy: geograficheskaya interpretatsiya dialektnykh obrazov* [Landscape in the System of Traditional Spatial Representations: Geographical Interpretation of Dialectal Images]. St. Petersburg, 2007. 392 p.
2. *Slovar' vologodskikh govorov* [A Dictionary of Vologda Dialects]. Vologda, 1983–2006. Iss. 1–12.
3. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Dialects]. Ed. by F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. St. Petersburg, 1965–2010. Iss. 1–43.
4. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1964–1973. Vol. 1–4.
5. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Estimation. Event. Fact]. Moscow, 1988. 341 p.
6. Il'ina E.N., Sudakov G.V. Slovesnost' Russkogo Severa kak osnova izucheniya natsional'noy mental'nosti i kul'turnogo prostranstva regiona: nekotorye itogi raboty Tsentra filologicheskikh issledovaniy VGPU [Literature of the Russian North as a Basis for the Study of National Mentality and Cultural Space in the Region: Some Results of VSPU Philological Research Centre]. *Vestnik Vologogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 5, pp. 141–142.

Zadumina Polina Nikolaevna

Postgraduate Student, Vologda State University (Vologda, Russia)

THE NAMES OF GRASSLANDS IN VOLOGDA DIALECTS

The article analyses dialect names of grasslands in the Vologda Region by describing their lexical semantics and structural organization. The Analysis showed that dialect speakers make a clear distinction between the grasslands that are suitable and those that are unsuitable for haymaking; this attitude of the peasant to the quality of grassland is expressed by various means and forms of verbalization. The research was conducted within the framework of cognitive approach aimed to study the perception and evaluation of certain elements of reality by a dialect-speaking person. In addition, the author turned to numerous academic works on axiology and cognitive dialectology. As materials for this research the author used the vocabulary recorded in the *Dictionary of Vologda Dialects* as well as fragments of dialect speech from the card catalogue of the dictionary. The analysis of these materials showed that the northern peasant evaluates grasslands primarily in terms of the methods of their cultivation and soil moisture. These assessments are reflected in dialect names of grasslands (mostly being reflected in their lexical semantics and derivational structure) and can be explained by the climatic conditions of the region. Lastly, the paper dwells on the linguistic worldview of the northern dialect-speaking peasant and highlights its main features, such as pragmatism, priority of the problems of human survival, conventionality and expressivity.

Keywords: *Russian dialectology, Vologda dialects, linguistic worldview, northern peasant, haymaking, farm, work in the fields, grasslands.*

Контактная информация:
адрес: 160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6;
e-mail: polya.zadumina@yandex.ru